

АСЯ
АКАТОВА

ПОСЛЕ
РАЗВОДА

У ТВОИХ
НОГ

Ася Акатова

После развода. У твоих ног

«Литнет»

2026

Акатова А.

После развода. У твоих ног / А. Акатова — «Литнет», 2026

- Я клянусь всем, что мне было свято, а свято для меня теперь только память о нас, — я люблю тебя. Только тебя. Это не было игрой слов тогда, много лет назад.- Любил?! И при этом смог пойти к другой? Слова — это пустой звук, Марк. Они ничего не стоят после такого.- Это не было любовью к ней. Это была... тупость. Огромная, чудовищная, роковая ошибка. Момент слабости, помутнения, от которого я сойду с ума до конца своих дней. Я не оправдываюсь. Оправданий нет. Я пытаюсь объяснить, что это не было твоей недостойностью. Это была моя ничтожность. В тот миг я перестал быть собой, а когда очнулся — уже разрушил всё на свете. Бывший муж делает шаг ближе, голос дрожит от нахлынувших чувств.- Я понимаю, что не имею права просить. Но я умоляю. Я умоляю тебя о шансе. Об одном шансе доказать, что тот человек, который это сделал, — не я. Настоящий я готов на всё. Его дыхание сбивается. Он медленно, глядя ей прямо в глаза, опускается на колени. Не театрально, а так, будто у него подкосились ноги.- Я падаю к твоим ногам, Оля. Не как раб, а как провинившийся, который признал свою вину и готов за неё ответить. Всей жизнью. Каждой минутой, чтобы заслужить твой взгляд. Не прошу забыть. Прошу дать мне возможность искупить. Даже если это займёт вечность. История литмоба "Мы...после развода"Хэппи энд для героини!

Содержание

Я беременна!	5
Давай поговорим?	6
Я не готов	7
Не позволю...	8
Он хочет ее...	10
Голова кругом...	11
Мне скучно	13
Я тебя съем	15
Тигр и дрессировщица	17
Картонная жена	20
В последний раз	22
Клетка опустела	24
Сам себе палач	26
Вторая молодость	29
Я выживу.	31
Всё. Хватит.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Я беременна!

- Неужели...этого не может быть! - вскрикиваю и закрываю себе рот дрожащей рукой.

Две полоски. Они были ярче, чем та полоска солнечного света на кафеле ванной, в которой я стояла босиком, замершая. Мир не рухнул. Он просто резко, до тошноты, расфокусировался. Эта маленькая, дешевая пластиковая палочка вдруг стала осью, вокруг которой закрылось всё: прошлое, настоящее, мое шаткое будущее.

Я купила тест по дороге домой, почти маниакально, поддавшись импульсу. Задержка была всего три дня. А та тошнота, это обострившееся обоняние, ненавидящее теперь запах его лосьона после бритья — списала на стресс было слишком просто. Внутри меня уже жила уверенность. Тихая и непоколебимая.

Теперь я смотрела на эти две линии, и первая мысль была не “как он отреагирует?”. Первой мыслью было: “Я не дам тебя в обиду”. Кого “тебя”? Это крошечное, невидимое “мы”, которое теперь пульсировало у меня под сердцем. Материнский инстинкт — это не умиление. Это стальная решимость, которая рождается в один миг, раньше, чем успеваешь испугаться.

Я спрятала тест на дно корзины для макулатуры, прикрыв его счетами. Не потому что стыдилась. А потому что хотела все сделать правильно. По-особенному. Мы так давно не разговаривали по-настоящему. Марк приходил поздно, уходил рано, а между нами лежал тонкий, но прочный слой бытового молчания. Сегодня я его пробую. Сегодня я создам момент, который мы запомним навсегда.

Кухня превратилась в святилище. Я, которая в последний год забывала даже солить суп, вдруг с маниакальной точностью воссоздавала рецепт утки с яблоками из поваренной книги его матери. Пионы — белые, пахнущие детством и дачей — я привезла от мамы специально. Они означают “счастливый брак”. Горькая ирония уже висела в воздухе, смешиваясь с ароматом корицы.

Шесть часов вечера. Я механически вытираю уже сухую тарелку, глядя в окно на потухающее небо. На плите догорает соус к пасте. Он, как всегда, “вот-вот”. Собака, давно нагулявшаяся, скулит у двери, ожидая его шагов.

Семь. Паста превращается в холодный крахмальный ком. Ключ поворачивается в замке в половине восьмого. Не звук освобождения, а скучный щелчок конца дня. Марк вваливается внутрь, и с ним врывается запах чуждого офиса, чуждого кофе и легкой, едкой усталости. Он не смотрит на меня. Его взгляд скользит по мне, как по предмету мебели — знакомому, но не требующему внимания.

Давай поговорим?

Привет, — бросаю я в пространство.
 — М-м, — отвечает он, снимая пиджак. — Коровам сегодня крутили хвосты. С Кириллом из отдела логистики. Придурок несокрушимый.
 — Ужин на столе, — говорю я вместо “как ты?” или “я соскучилась”. Эти фразы отмерли где-то полгода назад, превратились в ритуал без смысла.
 — Спасибо.

Он садится, включает телевизор. Новости. Фоном к нашей жизни. Я сажусь напротив, ковыряю вилкой свою порцию. Молчание не неловкое. Оно привычное, обволакивающее, как старый халат.

Атмосфера за столом — не для драгоценностей. Она для быта. И все же я делаю попытку. Голос звучит немного натужно, будто я давно не пользовалась им для чего-то важного.

— Марк... Я сегодня смотрела варианты отпуска. На Балканах, ты говорил, хотел бы съездить. В сентябре там уже не так жарко. Посмотри?
 Я протягиваю ему телефон с открытым сайтом. На экране — бирюзовое море и белые домики. Цвет надежды.

Он, не отрываясь от тарелки и экрана, где говорят о курсе валют, машет рукой. Небрежно. Так, будто отмахивается от назойливой мухи.

— Оль, не сейчас, ладно? Голова трещит. В сентябре у нас квартальный отчет, я тебе говорил. Какие Балканы...
 — Но мы же договаривались, — звучит в моем голосе тонкая, почти невидимая нить упрека. — Хоть куда-то. Хоть на неделю. Чтобы побыть... вдвоем.
 Последнее слово повисает в воздухе. Оно кажется таким уязвимым, почти стыдным.

Он наконец поднимает на меня взгляд. Не вижу в нем ни злости, ни раздражения. Вижу пустую усталость и легкое недоумение: зачем я лезу с этим сейчас?
 — Поговорим в выходные, хорошо? — это его стандартная отговорка. Фраза-кладбище для планов. “Поговорим в выходные” значит “забудь”.

Во мне что-то сжимается. Но я не сдаюсь. Не сейчас. Сегодня я должна дотянуться до него. Сквозь этот слой льда и усталости. Я кладу вилку. Звук звонкий, неестественно громкий в этой приглушенной реальности.

— Хорошо. Не в выходные. Сейчас. Мне... мне нужно с тобой поговорить. Очень.
 Мой тон заставляет его оторваться от новостей. Он выключает звук пультом, но взгляд его все еще где-то там, в цифрах и проблемах “того” мира.

— Что случилось? С родителями всё в порядке?
 — Да, нет, не случилось... — Я вдруг чувствую, как краснею. Как девочка. Глупо. Мне сорок, а не пятнадцать. — Это... наоборот. Я хочу сказать о... о будущем. О нашем.

Он медленно отодвигает тарелку, скрещивает руки на груди. Поза закрытая. Нетерпеливая. “Говори, но быстро”.

— Я подумала... Мы же много говорили раньше. О детях. — Я произношу это слово, и оно звенит в тишине, как хрустальный колокольчик. Мое сердце колотится где-то в горле. — Мне кажется, сейчас... сейчас хорошее время. Чтобы попробовать. Seriously.

Я не готов

На его лице не вспыхивает удивление, не проступает радость, не появляется даже задумчивость. Проходит медленная волна... раздражения. Он вздыхает, тяжело, будто я только что взвалила на его плечи неподъемный груз.

— Ольга, Боже правый... — он проводит рукой по лицу. — Ты видишь меня? Я на работе как выжатый лимон. Мы в этом доме только год, ипотека висит. Проект новый, я там на лезвии ножа. Какие дети? Это не время для “попробовать”. Это время — выживать. Ты меня вообще слышишь?

Его слова — как ушат ледяной воды. Но я не отступаю. Внутри меня уже есть тот, кто сильнее его раздражения.

— Я слышу. Но жизнь — она не тогда, когда все идеально. Она — сейчас. Мы не становимся моложе. А я... я очень хочу.
 — Хотеть мало! — он резко встает, его стул скрипит. — Нужно быть готовым! Ответственным! Ты думала о том, сколько это стоит? О том, что ты останешься одна с ребенком, потому что мне придется пахать в три раза больше? Это не игрушка, Ольга!

Он говорит, а я смотрю на него и вдруг с жуткой ясностью понимаю: он не видит меня. Он видит проблему. Видит дополнительные сложности. Видит испорченные планы. Он не видит женщину, которая хочет создать с ним жизнь. Которая готова ко всему, о чем он говорит. Которая уже, возможно...

— Я все продумала, — говорю я тихо, но твердо. — И я не одна. У меня есть свой доход, мой бутик. Я сильнее, чем ты думаешь.
 — Это не в силе дело! — он почти кричит, но это крик от бессилия, а не от злости. — Я не готов, ясно? Не готов морально, физически, финансово! Забуди! Не сейчас!

Он хватается пульт, снова включает звук. Грохот новостей заполняет комнату, ставя жирную точку в разговоре. Он снова устался в экран, его спина — напряженная, неприступная стена.

Я сижу. Руки лежат на коленях, холодные. Внутри, под самой диафрагмой, где всего три часа назад пела та самая мелодия, теперь тихо и пусто. Но не от отчаяния. От странного, леденящего спокойствия. Я только что протянула ему руку, открыла дверь в возможное будущее. Он ее захлопнул. Даже не заглянув внутрь.

Я медленно встаю, забираю тарелки. Мои движения точные, без суеты. Смотрю на его затылок, на знакомый изгиб шеи, который когда-то целовала. И думаю о том, что он только что сделал выбор. Не узнав, что выбор, возможно, уже сделан за него самой жизнью.

— Ладно, — тихо говорю я в спину телевизору и ему. — Как скажешь.

И уношу тарелки на кухню. Где на дне мусорной корзины, под счетами, лежит тот самый тест. С двумя яркими полосками. Тихое, мое секретное знание. Теперь — только мое.

Приглашаю всех в наш 18+ литмоб “Мы...после развода”! Чувственные и эмоциональные истории.

https://litnet.com/shrt/j2_y

Не позволю...

Я стояла у раковины, и вода была ледяной, но я не чувствовала холода. Я чувствовала только плотное, свинцовое онемение где-то за грудной клеткой. Звук воды, бившей по фарфору, заглушал гул телевизора из гостиной. Мои руки двигались автоматически: сполоснуть, поставить в посудомоечную машину, протереть столешницу.

“Не готов. Забудь”.

Эти слова висели в воздухе кухни, смешиваясь с запахом остывшей пасты. Они были не эмоциональным взрывом, а холодным, взвешенным приговором. И в этом была вся суть. Он не кричал “я не хочу”. Он заявил “я не готов”. Как к проекту на работе, который отложили на неопределенный срок. Меня, наши возможные “попробовать”, нашего будущего ребенка — в категорию “неактуальные задачи”.

Я вытерла руки и медленно обернулась, прислонившись к столешнице. Через арочный проем я видела его. Он сидел, откинувшись в кресле, одна нога закинута на колено, пульт в расслабленной руке. Лицо освещалось мерцанием экрана. Он не был напряжен, не был раздражен. Спор был исчерпан, точка поставлена, можно расслабиться. Эта способность — выключать разговор, как свет, и погружаться в покой — всегда восхищала и бесила меня одновременно.

Собака, наконец дождавшаяся своего, подошла и ткнулась холодным носом мне в ладонь. Я машинально почесала ее за ухом. — Все, Лора, — прошептала я. — Не будет нам той прогулки втроем. Не будет.

Я прошла в спальню, оставив его в его освещенной телевизором вселенной. Мои шаги по паркету были беззвучными. В спальне царил полумрак. Я не включала свет. Подошла к большому окну, уперлась лбом в холодное стекло. За окном горели окна других квартир, в каждом — своя драма, своя комедия, своя рутина. А у нас — тихий крах надежды, даже не успевшей оформиться в слова.

Рука снова легла на живот. Теперь это был не жест нежности, а жест защиты. Щит. — Прости, — прошептала я в темноту. — Прости, что твой папа... что он так. Он просто не знает. Он не знает тебя. И, возможно, никогда не узнает.

Голос не дрогнул. Слез не было. Был только холод. И решение, которое кристаллизовалось с каждой секундой, становясь тверже алмаза.

Я не скажу ему. Не сейчас. Не после этого ужасного разговора.

Страх, который я чувствовала раньше, — страх его реакции, страх перемен — испарился. Его место заняла ясность, почти безжалостная. Если он “не готов” к возможности, то что будет с реальностью? С бессонными ночами, с пеленками, с моим изменившимся телом, с тотальной сменой приоритетов? Он сбежит. Или, что хуже, останется, превратив нашу жизнь и жизнь этого малыша в постоянное напоминание о своей “жертв” и “неготовности”.

Нет. Я не позволю.

Я повернулась от окна и медленно, как сомнамбула, начала готовиться ко сну. Умылась, почистила зубы, нанесла крем. Все движения — отлаженные, бездушные. Когда я вернулась в спальню, он уже был там, сидел на краю кровати и смотрел в телефон. Синий свет выхватывал из темноты его профиль.

— Оль, — сказал он, не отрывая глаз от экрана. — Ты не обиделась? Я просто... реалист. Надо смотреть правде в глаза. Его голос был обычным, даже заискивающе-спокойным. Он уже переместил наш разговор в архив и хотел поставить галочку “конфликт исчерпан”.

Я остановилась у своей стороны кровати. — Нет, — ответила я. Мой голос прозвучал ровно, без эмоций. — Не обиделась. Ты прав. Нужно быть готовым. Я откинула одеяло и легла, повернувшись к нему спиной.

Он удовлетворенно хмыкнул, будто только что успешно провел сложные переговоры.
— Вот и хорошо. Спи, все наладится. Как-нибудь потом вернемся к этому разговору.
Он потянулся выключить свет. Комната погрузилась в темноту.

“Как-нибудь. Потом”.

Я лежала с открытыми глазами, глядя в непроглядную темноту. Рядом он почти сразу задышал ровно и глубоко, погрузившись в сон человека с чистой совестью. Он отмахнулся. От меня. От нашего ребенка. И уснул.

А я не спала. Я чувствовала, как в тишине моего тела зарождается не просто жизнь. Зарождается сила. Железная, материнская, хищная сила, единственной целью которой была защита. Я больше не была Ольгой, которая ждет разрешения, одобрения, совместного решения. Я была крепостью. И мои стены только что выросли до небес, отгородив мой маленький, тайный мир от его безразличия.

Хорошо, Марк, — думала я, слушая его ровное дыхание. — Ты не готов. Это твой выбор. Но это мое тело. Мой ребенок. И мое решение. Посмотрим, к чему ты будешь готов, когда правда все расставит по своим местам.

И в самой глубине, под слоями обиды и боли, уже теплился крошечный, тлеющий уголек чего-то другого. Не надежды на примирение. А холодного, четкого понимания: игра изменилась. И правила теперь буду устанавливать я.

Он хочет ее...

Неделю спустя после “разговора” тишина в доме стала плотной, как вата. Мы разговаривали о счетах, о том, что заказать на ужин, чинит ли сантехник кран. Как соседи по коммуналке, вынужденные делить пространство. Моя тайна росла внутри меня, превращаясь из испуга в единственную реальную, живую точку отсчета. Я носила ее, как доспехи, и он ничего не замечал.

А потом был корпоратив по случаю успешного закрытия того самого “проекта на лезвии ножа”. Меня, конечно, пригласили.

- Обязательно будь, Оль, без тебя будет неловко, — бросил он как-то утром, не глядя, завязывая галстук. Не “хочу, чтобы ты была”, а “будет неловко”. Я согласилась. Из странного, почти медицинского любопытства. Увидеть его в той самой среде, которая высасывает из него все соки и, как оказалось, все надежды на нашу общую будущность.

Я надела простое черное платье. Оно сидело чуть свободнее, чем месяц назад, — первый, едва уловимый знак. Он, выходя из спальни в новом, идеально сидящем костюме, лишь бегло оценил меня взглядом.
— Не переусердствуй с вином, — сказал он вместо комплимента.
— Там будут важные люди.

Зал ресторана был шумным, перегретым, полным фальшивого смеха и звона бокалов. Я прилепилась у стойки с водой, наблюдая. Видела, как он преобразается. Спина распрямляется, усталость с лица слетает, сменяясь оживленной, чуть надменной уверенностью. Он был в своей стихии. И я поняла, что дома я вижу лишь его бледную, выдохшуюся тень.

И тогда я увидела её. Киру. Она появилась, как вспышка. Ярко-рыжее платье, смех, слишком громкий, слишком заразительный. Она подошла к их группе — Марк, его начальник, несколько ключевых сотрудников. Не влилась, а ворвалась. И сразу же — ее рука легла на рукав его пиджака, шутка, брошенная через стол, явно адресованная ему. Он в ответ улыбался. Не той сдержанной улыбкой, что бывала дома. А широко, по-юношески, обнажая зубы. Улыбался, глядя на нее.

Меня как будто ударили под дых. Не из-за ревности в чистом виде. Из-за осознания. Это не просто коллега. Это — альтернатива. Альтернатива той уставшей, требующей разговоров о будущем, пахнувшей домом жене, которая ждет его с ужином. Кире не нужно было “попробовать” или “быть готовой”. Ей нужно было веселье, азарт, флирт, успех. И она отражала ему то, чего он, видимо, жаждал: легкость, без обязательств.

Я отхлебнула воды, но комок в горле не проходил. Смотрела, как они общаются. Их диалог был не услышан мной, но прочтен по языку тел.
Она наклонилась ближе, чтобы сказать что-то на ухо. Ее рыжие волосы почти касались его щеки.
Он не отстранился. Наоборот, наклонился сам, чтобы расслышать. Уголки его глаз сморщились от смеха.
Она взяла со стола его бокал, сделала глоток — дерзко, не спрашивая. Сказала что-то, явно провокационное.
Он закинул голову и рассмеялся открыто, затем забрал бокал обратно и отпил с того же места. Это был жест такой интимности, такой простой, что от него перехватило дыхание. Мы с ним так не делали уже лет пять.

- Он хочет ее...хочет эту стерву...

Голова кругом...

Марк закинул голову и рассмеялся — открыто, громко, от души. Звук его смеха, такого знакомого и такого забытого, пронзил меня, как лезвие. Потом он протянул руку, взял свой бокал из ее пальцев — небрежно, почти ласково, — и отпил. С того самого места, где только что касались ее губы.

Мир сузился до этой точки. До края хрустального бокала, сияющего в его руке. До невидимой, но жирной, осязаемой полосы ее помады, которую он сейчас, наверное, чувствует на вкус.

Они... Они же...
Мысль не закончилась. Она ударила в солнечное сплетение, вышивая из легких весь воздух. Это был не просто флирт. Не просто веселье коллег. Это был *язык*. Язык тел, жестов, взглядов, который я помнила. Которым мы с ним пользовались когда-то, в самом начале. Быстрый, как ток, обмен: “я тебя хочу”, “я тебе отвечаю”.

Они *хотели* друг друга. Эта мысль вонзилась в мозг раскаленной иглой.

Боль была неожиданно физической. Острая, режущая спазм где-то под сердцем, заставляла меня схватиться за холодную стойку барной стойки. Пальцы впились в полированное дерево. В глазах поплыли круги. Шум вечеринки — смех, музыка, звон бокалов — отхлынул, превратившись в глухой, подводный гул. Я слышала только стук собственной крови в висках, яростный и беспомощный.

Я смотрела на них, и каждый жест теперь читался с пугающей четкостью. Как он наклонился к ней, чтобы услышать, закрыв собой небольшое пространство от остального мира. Как ее рука, будто нечаянно, коснулась его предплечья и не убралась. Как ее взгляд скользнул по его губам, когда он пил. Это был танец. Древний, простой, жестокий танец притяжения.

А я стояла здесь. В своем “безопасном” черном платье. С моей тихой, страшной тайной под ребрами. С нашим общим прошлым, которое теперь рассыпалось в пыль и пепел под ногами этой рыжей, смеющейся девушки. Я была не женой. Я была призраком. Наивной, слепой тенью, которая все еще верила, что между нами есть что-то, кроме привычки и общего счета за ипотеку.

В горле встал горячий, соленый ком. Слезы. Они подступили к глазам, жгучие и унижительные. *Не здесь. Только не здесь.* Я отчаянно моргнула, глядя в потолок, пытаюсь втянуть их обратно. Предательское тепло потекло по щеке. Одна капля. Потом другая.

И в этот момент он повернул голову. Его взгляд, все еще подсвеченный смехом и интересом, встретился с моим. Увидел мое лицо. Увидел слезу.

На его лице не было ужаса. Не было паники или даже стыда. Сначала — легкое, мгновенное раздражение, как на назойливую помеху. Потом — быстрое, виртуозное сглаживание. Маска “озабоченного мужа” наделась за долю секунды. Он что-то быстро сказал Кире, и она, бросив на меня короткий, оценивающий взгляд. В нем читалась не вина, а любопытство и легкая насмешка.

Марк направился ко мне. Каждый его шаг отдавался в моей груди глухим ударом. Я вытерла щеку тыльной стороной ладони, резким, почти грубым движением. Не смогла заставить себя улыбнуться.

— Оль, что такое? — спросил он, понизив голос. Его рука легла мне на локоть — прикосновение дежурное, для протокола. — Тебе плохо?

Я посмотрела на его руку. На его лицо. На его губы, которые только что касались того бокала. И поняла, что не могу вынести прикосновения. Физически не могу.

Я отшатнулась.
— Голова раскалывается, — прошептала я, и голос мой прозвучал хрипло, чужим. — Я поеду домой.
— Подожди, я вызову такси, — он уже доставал телефон, его движения были быстрыми, эффективными. Он хотел поскорее решить эту “про-

блему” и вернуться туда, где было интересно.
 — Не надо. Я уже вызвала. Таксист меня ожидает.
 Я повернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Спина горела от ожидания его взгляда. Но больше — от осознания, что его взгляд, наверное, уже вернулся к ней. К ее рыжему платью, к ее смеху, к той жизни, в которой нет места моей боли и нашему нерожденному ребенку.

Холодный воздух снаружи обжег лицо, высушивая следы слез. Я шла, не чувствуя ног, и внутри, рядом с зарождающейся жизнью, росла другая, новая, черная пустота. Он не просто отмахнулся от нашего будущего. Он уже жил в другом настоящем. А я оставалась одна. С разбитым сердцем и маленькой, беззащитной тайной, которая вдруг стала не радостью, а самым страшным грузом на свете.

Мне скучно

(Марк. За месяц до корпоратива)

Дверь открывается в тишину. Не в гнетущую, а в пустую. Я знаю, что Оли нет. Пятница — у неё в бутике до поздна, инвентаризация или приёмка новой коллекции. Я включаю свет. Всё на своих местах. Чисто. Не смертельно стерильно, как мне иногда хочется себе представить, а просто прибрано. Запах? Скорее, отсутствие запаха. Ничего не готовилось. Мы так живём. Я — потому что не хочу. Она — потому что устаёт после своего дня и знает, что я ворочу нос от любого её "просто, но с душой", предпочитая заказную пиццу.

Я падаю на диван. В голове гудит от сегодняшнего геморроя — сам себе его и устроил, профукал сроки по своему же проекту. В офисе Кира, новая дизайнер, громко хохотала с кем-то по телефону. Звук был таким живым, таким наглым, что я заслушался, забыв про работу. Она поймала мой взгляд, подмигнула. Искра. Простая, как короткое замыкание. Ни к чему не обязывающая.

А дома... Дома тихо. Мой телефон лежит рядом. Ни одного сообщения от Оли. Она не пишет "во сколько?" или "как день?" уже месяца три. Перестала. После последней попытки, когда я, огрызнувшись, ответил: "Оль, я же с работы, выдохни, не до твоих расспросов". Она выдохнула. Насовсем.

И я осознал, что... Мне это... удобно. Не надо отчитываться. Не надо изображать участие. Можно просто молча существовать в параллельных вселенных. Это я всё и устроил. Я научил её не лезть ко мне.

Но сейчас, в этой тишине, удобство почему-то оборачивается зияющей пустотой. Я включаю телевизор. Фон. Чтобы заглушить тишину, которую сам и создал.

Ключ поворачивается в замке около десяти. Она входит, сбрасывает каблуки у двери с тихим стоном облегчения. Видит меня, кивает. Усталое, но всё ещё красивое лицо. — Привет. Всё нормально? — Норм, — бурчу я, не отрываясь от экрана. Стандартный обмен. Пароль-явка. — Она проходит на кухню, греет себе что-то в микроволновке. Не предлагает мне. Знает, что откажусь. Ещё один ритуал.

Через полчаса она выходит, садится в кресло напротив, берёт в руки книгу. Но не читает. Смотрит на меня. — Марк. — М-м? — я делаю вид, что погружён в передачу про рыбалку. — Давай куда-нибудь съездим в воскресенье. Просто так. В лес. Или в тот новый музей. Я уже... не помню, когда мы просто гуляли.

В её голосе нет упрёка. Есть усталая, почти отчаянная попытка докопаться до человека под слоем моей апатии. Она пытается меня расшевелить. Как делала это раньше. Предлагала походы, курсы, путешествия. Я всегда находил причину: работа, усталость, "не сейчас". Убивал каждую её инициативу скучным, неоспоримым "я устал".

И сейчас во мне вспыхивает то же самое, привычное раздражение. Не на неё. На себя. На то, что она снова заставляет меня чувствовать — вину, обязанность, необходимость что-то из себя выдавливать. — Оль, давай не в воскресенье, ладно? — говорю я, и голос звучит как потертая пластинка. — Я выжатый как лимон. Хочу просто валяться.

Она не спорит. Она просто смотрит. Её взгляд — не ледяной. Он... понимающий. И от этого в тысячу раз хуже. Она понимает, что я вру. Понимает, что дело не в усталости. А в том, что мне с ней... скучно. И нет сил это скрывать. — Хорошо, — говорит она тихо. — Валяйся.

Она возвращается к книге. Но я вижу, как её пальцы чуть сильнее сжимают переплёт. Это всё, что она позволяет себе — чуть сильнее сжать пальцы. Не скандал, не слёзы. Она же сильная. Независимая. У неё свой бизнес. Она не будет выпрашивать внимание.

И это мой главный прокол. Я думал, если сделать её сильной и независимой, она не будет мне мешать жить в моей апатии. А оказалось, что сильная и независимая просто... перестанет нуждаться. И останется тишина.

Мы ложимся спать. Она поворачивается на бок, ко мне спиной. Раньше я бы притянул её к себе, даже если не хотелось. Сейчас — нет. Зачем? Искры нет. Только привычка.

Я лежу в темноте и думаю о завтрашнем корпоративе. О том, как Кира будет там. В каком-нибудь ярком платье. Будет смеяться громко, пить текилу солью, ловить на себе взгляды. С ней не надо "расшевелить" что-то. С ней сразу — искра. Готовая, дешёвая, как китайская зажигалка. Ни к чему не обязывающая вспышка. Она не потребует от меня поездок в лес или разговоров по душам. Она потребует адреналина. А его выдавить из себя гораздо проще, чем тепло.

Я отвернулся от спины жены и уткнулся лицом в подушку. Это я всё убил. Своим равнодушием. Своим "устал". Своей ленью вкладываться во что-то сложное, что требует времени и души. Проще найти новую искру, чем раздуть тлеющие угли наших "нормальных" отношений.

Решение созревает не как озарение, а как гнилой зуб, который наконец-то дал о себе знать острой, чёткой болью. Не "я задыхаюсь". А "мне проще всё сломать и начать с чистого листа, где не надо ничего исправлять".

И в этой тёмной, тихой спальне, глядя в потолок, я разрешаю себе это. Разрешаю себе считать, что виновата не моя лень, а... отсутствие "того самого" чувства. Разрешаю себе думать о Кире не как о мимолётном увлечении, а как о спасательном круге, на который можно прыгнуть с тонущего корабля, который я сам и протаранил.

И самое мерзкое? Мне становится от этого легче. Потому что теперь есть план. Потому что теперь я — не просто скучающий угод, а смелый искатель страсти, жертва затухших чувств. Красивая сказка, которую я начну рассказывать себе завтра. И которой, возможно, поверю.

16+ книга нашего моба. "После развода. Ты вернёшься, но я не прощу " <https://litnet.com/shrt/Qfsl>

"Я открываю дверь кабинета мужа – моим глазам открывается зрелище, которое я сразу хочу развидеть.

Прямо на ректорском столе восседает полуобнаженная блондинка с бесконечно длинными ногами, которые широко расставлены, а между ее ног – мой муж.

Витины пальцы путаются в волосах блондинки, им обоим явно очень хорошо, а я... я, ошалеv от увиденного, и слова сказать не могу, только ключи от машины роняю на пол...

И это – прямо накануне семейного отпуска!

<https://litnet.com/shrt/uZyM>

Я тебя съем

Проект — ад. Сроки горят, клиент неадекватен, команда на пределе. Но в этом аду есть свой особый кайф. Чувство, что ты жив. Что каждое решение на вес золота. И что она, Кира, рядом.

Мы засиделись допоздна. Остались вдвоем, дорабатывая презентацию. Воздух в переговорке спертый, пахнет пиццей и усталостью. — Еще кофе? — она протягивает мне свою кружку. На ней надпись "Повелительница мира". Я усмехаюсь. — Ты серьезно? — А что? Скромность — не мой конек. Особенно в час ночи. — Она потягивается, и свитер задирается, обнажая полоску гладкой кожи на животе. Я отвожу взгляд. Нет, не отвожу. Смотрю. Позволяю себе смотреть.

Мы говорим о работе, но разговор уже давно скользит по краю. Двойные смыслы. Шутки, от которых слегка горит лицо. Она смеется над моими старыми, заезженными офисными историями так, будто слышит их впервые. Её внимание — как наркотик. Острое, концентрированное, пьянящее. Она ловит каждое слово.

— Знаешь, что я думаю? — говорит она, пристально глядя на меня через стол. — Ты здесь — как большой, опасный зверь в клетке. Умный, сильный. Но в клетке. И все это знают, и все боятся тебя потревожить. Кроме меня.

— Это комплимент? — спрашиваю я, чувствуя, как учащается пульс. — Это констатация факта. Мне не страшно. Мне интересно. Что будет, если клетку открыть?

Она говорит то, о чем я сам думал последние месяцы, но боялся сформулировать. Она даёт разрешение. Разрешение на бунт.

Мой телефон вибрирует на столе. Горит экран: «Оля». Картинка — её улыбка на нашем отдыхе три года назад. В тот момент это лицо кажется мне чужим. Олицетворением всего, от чего я устал.

Я сбрасываю вызов. Ставлю на беззвучный. — Проблемы? — спрашивает Кира, и в её глазах я вижу не сочувствие, а вызов. Выберешь её или этот момент? — Нет, — говорю я твёрдо, и это слово — первый шаг в пропасть. — Никаких проблем.

Мы заканчиваем работать. Спускаемся в пустое фойе. Ночь, тишина, только шум кондиционера. — Подвезу? — предлагаю я. Голос звучит чуть хрипло. — А ты не боишься, что я съем тебя по дороге? — ухмыляется она. — Попробуем, — вырывается у меня. Это уже откровенный флирт. Язык, на котором я давно не говорил. Он ржавый, но Кира — отличный собеседник.

В машине пахнет её духами и мятной жвачкой. Она включает какую-то странную, энергичную музыку. Не ту фоновую скуку, что слушает Оля. Мы молчим. Напряжение висит в воздухе, густое, сладкое, почти осязаемое. Я чувствую её взгляд на своем профиле.

— Эй, — говорит она тихо, когда я останавливаюсь у её дома. — Спасибо. За сегодня. Было... заряжающе.

Она не сразу выходит. Поворачивается ко мне. Лицо в полумраке освещено фонарем. Глаза блестят. — Знаешь, что самое смешное? — шепчет она. — Что? — Я не думала, что люди вроде тебя ещё существуют. Настоящие. Не картонные.

И она совершает движение. Быстрое, как удар молнии. Целует меня. Не в щеку. В угол губ. Мимо. Но намеренно мимо. Это не поцелуй. Это семя. Брошенное в почву моего разочарования и усталости. Это вопрос: Ты ещё жив?.

Она выскальзывает из машины, не оглядываясь. Я сижу, прижав ладони к рулю, чтобы они не дрожали. Губы горят. Внутри — дикий, хаотичный вихрь. Вина? Нет. Её еще нет. Есть

только адреналин. Ликование. Я ещё жив. Меня ещё хотят. Не как добытчика, не как часть интерьера. А как мужчину.

Я смотрю на темное окно её квартиры, куда она только что скрылась. Потом на телефон. На несколько пропущенных от Оли. *"Всё хорошо?", "Ты скоро?", "Я волнуюсь"*.

Раньше эти сообщения вызывали раздражение. Теперь они вызывают глухую, холодную ярость. Ярость на эту жизнь, которую она для нас построила. На эту заботу, которая душит. На этот уют, который стал тюрьмой.

Я не пишу в ответ. Завожу машину и еду. Не домой. Просто еду по ночному городу, с открытым окном. Ветер бьет в лицо. Я чувствую вкус её помады — терпкий, чужой, запретный. И решаю себе думать: А что, если?

Это "если" уже не вопрос. Это решение. Еще не оформленное, но уже принятое где-то в самых глубинах, куда не доходят голоса долга и совести. Там сейчас царит только одна мысль: я устал быть тем, кем меня хотят видеть. Хочу побыть тем, кем меня видит она. Даже если это ненадолго. Даже если это конец всему.

Дорога домой кажется бесконечно длинной. Я уже знаю, что переступил черту. И назад пути нет.

Промо на Беременна в 45. Успейте активировать))

1 gj_ipb-H

2 EZCOJhcJ

3 1oX1fWZM

4 hBe6l8Ot

5 OOMcDAqC

Тигр и дрессировщица

Ночь после того "почти-поцелуя" я провёл, как в лихорадке. Губы горели. В голове стоял навязчивый, терпкий запах её духов, смешанный с мятой. Я ловил себя на том, что ворочаюсь, глядя в потолок, и прокручиваю момент снова и снова. Не сам поцелуй. А её слова: "Настоящие. Не картонные".

Она увидела во мне то, чего больше не видела Оля. Или, может, перестала пытаться рассмотреть под слоем быта и взаимных обид. Кира же ворвалась в мой мир и без спроса объявила его настоящим. Это был наркотик посильнее любого адреналина от работы.

На следующий день в офисе было неловко. Вернее, неловко было мне. Она же — будто ничего и не произошло. Носилась по открытому пространству в ярком оранжевом джемпере, громко спорила с верстальщиком, заливисто смеялась у кофемашины. Но её взгляд, скользнувший по мне, был не мимолётным. Он был тяжёлым, оценивающим, полным скрытой усмешки: Ну что, ещё жив?

Флирт стал нашей новой, захватывающей игрой. Он витал в воздухе между рядами, кристаллизовался в чатах.

Кира (10:03): Утро доброе, Зверь. Клетка сегодня прочнее? **Я (10:05):** Задвижка на месте. Но дрессировщица что-то подозрительно тихая. **Кира (10:06):** Дрессировщица выжидает. Изучает повадки. Готовит лакомство. **Я (10:07):** Опасное занятие. Могу укусить. **Кира (10:08):** *стикер с ухмыляющимся тигрёнком*. Я рисковать люблю.

Встреча у кулера. Я наливаю воду. Она подходит, берёт стаканчик. Наши руки не соприкасаются, но пространство между нами сжимается, становится электропроводным. — Презентацию для "Вектора" посмотрела? — спрашиваю я деловым тоном. — М-м, — тянет она, делая глоток. Смотрит на меня поверх края стаканчика. — Посмотрела. Скучновато. Не хватает... драйва. Того самого, ночного. — Ночное — для избранных, — вырывается у меня, и я тут же костерю себя за эту пошлость. Но она улыбается, уголки глаз прищуриваются. — Намекаешь, что я в списке? Лестно.

Она отворачивается и уходит, оставляя за собой шлейф вызова. Я понимаю, что проигрываю эту игру. Или выигрываю? Уже не понятно. Я просто хочу продолжения.

Флирт перестал быть словесным. Он стал физическим, измеряемым в сантиметрах. "Случайные" прикосновения к руке, когда она передаёт документы. Близость за обеденным столом в столовой, когда её колено "нечаянно" касается моего под столом. Я не отодвигаюсь. Я принимаю эту игру. Более того, я начинаю её инициировать. Легко касаюсь её спины, пропуская в дверь. Стою сзади, когда она что-то показывает на мониторе, вдыхая запах её волос. Дыхание учащается. Сердце колотится, как у подростка. Это пошло, предсказуемо и невероятно сильно.

Разговор по дороге на парковку становится нашей новой традицией. Мы уже не "коллеги, засидевшиеся допоздна". Мы — сообщники.

— Ты сегодня просто убил на планёрке, — говорит она, закуривая электронную сигарету. Дымок клубится в холодном воздухе. — Этот идиот Михаил просто обалдел, когда ты его разнёс. — Он сам напросился, — говорю я, но внутри распирает глупая гордость. Мне важно её одобрение. Её восхищённый взгляд. — Вижу, вижу, — она ухмыляется. — Зверь показал когти. А что дома? Тоже царапаешься?

Вопрос ложится между нами, как холодный нож. Раньше я бы съезжился, нашёл что-то нейтральное. Сейчас же, в этом полумраке подземки, опьянённый её вниманием, я позволяю себе правду. Не всю. Но часть. — Дома... тихо. Слишком тихо. Как в музее после закрытия. — Скучно, — констатирует она, не как вопрос. — Да, — выдыхаю я. И это признание снимает какую-то невидимую глыбу с плеч. Кто-то наконец-то видит это. Не осуждает, не читает нотаций. Просто видит. — Убийственно скучно.

Она молча кивает, делает последнюю затяжку. — Музеи тоже бывают интересными. Но только если там есть смотритель, который разрешает трогать экспонаты. А иначе — пыль и таблички "не прислоняться".

Её метафора попадает точно в цель. Я и есть тот экспонат за стеклом. А Оля... Оля стала смотрителем, который следит, чтобы стекло не было запачкано отпечатками.

— А ты что разрешаешь? — спрашиваю я, и голос звучит чуть хрипло.

Она поворачивается ко мне, отбрасывает окурок. В её глазах — тот самый огонь, которого мне так не хватало все эти годы. — Всё, — говорит она просто. — Я разрешаю всё. Беспорядок. Шум. Смех до слёз. Ошибки. Настоящие, живые, не из учебника по корпоративной этике. Жизнь, в конце концов. Она грязная, неудобная и потрясающая. Не то, что ты строишь там, в своей золотой клетке.

Она говорит это, и мне кажется, что она говорит не со мной, а с тем парнем, которым я был лет десять назад. До ипотеки, до карьерной гонки, до этого комфортного, мёртвого болота под названием "устроенная жизнь".

— А ты не боишься, что зверь, выпущенный из клетки, сожрёт и дрессировщицу? — спрашиваю я, делая шаг навстречу. Дистанция между нами теперь — менее полуметра. Её лицо освещает авантюрная, бесшабашная улыбка. — Я всегда держу под рукой усыпляющую дробинку, — парирует она. — На всякий случай. Но пока... пока мне интересно посмотреть, на что ты способен.

Это момент выбора. Прямо здесь, на парковке, под гул вентиляции. Я могу отступить. Сказать "ладно, увидимся завтра" и пойти к своей машине. К своей чистой, тихой квартире. К Оле, которая уже, наверное, спит или лежит, уткнувшись в телефон, в своей половине кровати.

Но я не отступаю. Я наклоняюсь. Медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстраняется. Она замирает, смотря мне прямо в глаза, и в её взгляде нет ни капли сомнения. Только азарт.

Этот поцелуй — не тот, крадущийся, в угол губ. Он настоящий. Глубокий, голодный, полный всех тех невысказанных слов, злости, скуки и отчаяния, что копились во мне годами. Она отвечает с такой же яростью, впиваясь пальцами в волосы у меня на затылке. Мир сужается до точки соприкосновения губ, до её тела, прижавшегося ко мне, до вкуса табака и мяты.

Когда мы наконец разъединяемся, дыхание сбито. Она не смущается. Вытирает губы тыльной стороной ладони, и в её глазах — торжество. — Вот видишь, — выдыхает она. — Не такой уж и ручной.

Я ничего не говорю. Не могу. Просто смотрю на неё, понимая, что черта не просто переступил. Я перепрыгнул через неё с разбега, с закрытыми глазами. И обратной дороги теперь точно нет. Я только что предал всё, что было "до". Ради этого "после". Ради этого дикого, пьянящего чувства, что я — не муж, не добытчик, не уставший офисный работник. Я — мужчина. Желанный. И, кажется, свободный.

— Завтра? — только и могу выговорить я. — Завтра, — кивает она, и её улыбка теперь — не вызов, а обещание. Обещание того, что адреналин не кончится. Что скуке пришёл конец.

Она уходит к своей машине. Я стою ещё несколько минут, пытаюсь привести в порядок дыхание и мысли. Внутри — пустота и восторг. Пустота — потому что там, где раньше была хоть какая-то опора в виде долга и привычки, теперь зияет провал. Восторг — потому что в этой пустоте теперь можно построить что угодно. Что-то яркое, громкое, без правил.

Я сажусь в машину, но не еду домой. Еду в бар. Пью виски, один, и чувствую, как внутри вызревает новая, чудовищно удобная для меня истина: я не предатель. Я — узник, совершивший побег. И Кира не любовница. Она — освободительница. А Оля... Оля просто осталась по ту сторону тюремной стены. Сторожить опустевшую камеру.

И с этим мысленным построением, красивым и лживым, как декорация, мне становится настолько легче, что я заказываю ещё один виски. Чтобы окончательно стереть с губ привкус домашнего спокойствия и вдохнуть полной грудью воздух новой, запретной свободы.

Картонная жена

После того поцелуя на паркинге всё перестало быть игрой. Игра предполагает правила, условность, возможность остановиться. Теперь для меня правила отменились. Существовало только одно измерение: "до Киры" и "после". Всё "до" было серым, плоским, звуконепроницаемым. Всё "после" — сочным, громким, гиперреалистичным.

Я стал мастером двойной жизни. Это оказалось проще, чем я думал.

Утром, целуя Олю в щёку (губы были теперь территорией другой), я уже жил ожиданием дня. Каждая рабочая встреча, каждый кофе-брейк превращались в возможность. Наши взгляды научились говорить целые параграфы за долю секунды. Прикосновение к её запястью, когда передавал папку, оставляло на коже жгучий след на несколько часов.

Чат стал нашей параллельной вселенной, горячей и пульсирующей:
 Кира (14:22): *Скучаю по запаху твоего парфюма. Точнее, по тому, как он смешивается с запахом твоего раздражения на совещаниях. Адреналиновый коктейль.*
 Я (14:25): *Опасно. Может вызвать привыкание.*
 Кира (14:26): *Уже вызвал. И у меня нет ни малейшего желания лечиться. Когда ты сегодня освободишься? Мне нужно "согласовать смету". Очень срочно.*
 Я (14:30): *В семь. "Смету" будем согласовывать долго и обстоятельно. Всю ночь, если понадобится.*
 Кира (14:31): **стикер с горящим огнём*. Жду. Привези вина. Красного. Как твои глаза, когда ты злишься.*

Оля спрашивала, почему я так часто задерживаюсь. Раньше в её голосе звучала тревога, теперь — лишь плоская констатация. Я научил её не ждать. И теперь пожинал плоды: её равнодушие стало моей индульгенцией.
 — Кризис на проекте, — говорил я, не глядя в глаза. — Все на нервах. Придётся ночевать в офисе.
 Она кивала, её взгляд скользил по мне, будто по знакомой, но неинтересной мебели. Она же тоже была поглощена своим миром: запуском новой линейки, проблемами с поставщиками. Её отстранённость не ранила, а развязывала руки. Она и сама не скучает, — думал я, с лёгкостью монстра записывая её усталость и сосредоточенность в актив своего оправдания.

Вечера с Кирой были антиподом всему домашнему. Никакого молчаливого ужина. Мы ели в шумных, тесных барах, где музыку приходилось перекрикивать, или заказывали еду в её новую, снятую наспех квартиру — коробки с суши на полу, среди разбросанных скетчбуков и образцов тканей. Мы не "общались". Мы взрывали пространство вокруг: спорили до хрипоты о чём угодно, смеялись до слёз над глупостями, слушали музыку, которую она называла «живой», а я раньше счёл бы какофонией. Она вытаскивала из меня реакции, которые я забыл: спонтанный смех, искреннее раздражение, животную страсть. С ней я чувствовал себя не мужем, а первооткрывателем — нового мира, новой версии себя.

Однажды ночью, лежа на полу её квартиры среди хаоса, она спросила, крутя в пальцах прядь моих волос:
 — Ты ей ещё не сказал?
 Вопрос повис в воздухе, пахнущем вином и сексом. Я отвёл глаза.
 — Сложно. Много общего... Дела, имущество.
 Она тихо фыркнула.
 — Дела. Имущество. Звучит, как инвентаризация в порту. А чувства? Они в какой графе?
 — Не упрощай, — пробормотал я, ощущая укол стыда, который тут же постарался задавить. — Это не так просто.
 — Это проще, чем ты думаешь, — сказала она, её голос внезапно потерял игривость. — Либо ты в игре, либо нет. Полутонув не бывает. Я не собираюсь вечно быть твоим "срочным проектом".

Её слова посеяли первую тревогу. В моей красивой сказке о побеге она играла роль вольной феи, не требующей обязательств. Но оказалось, она хочет большего. И я, опьянённый ею, начал давать обещания. Сначала туманные.
 — Скоро. Я просто должен выбрать момент.
 Потом — конкретнее.
 — После сдачи текущего этапа. Не могу всё рушить в разгар апокалипсиса.

Я кормил её этими отсрочками, как кормил самого себя оправданиями. А тем временем моя двойная жизнь становилась всё изощрённее. Я стирал историю чатов, но оставлял рабочие переписки, чтобы в случае чего "всё было на виду". Я завёл вторую, простую сим-карту для звонков ей, которую прятал в отделении портфеля. Я стал виртуозом лжи, и каждый удачный обман приносил странное, гнусное удовлетворение. Я был не просто любовником. Я был агентом под прикрытием в собственной жизни.

И чем больше я врал Оле, тем больше начинал её ненавидеть. Её спокойствие, её погружённость в себя, даже её привычка аккуратно вешать полотенце стали для меня доказательствами её "картонности". Я искал и находил в ней оправдание своему предательству. Вот видишь, — думал я, — она даже не замечает, что я пропадаю. Ей всё равно. Мы уже давно чужие. Я переписывал нашу общую историю, вычёркивая моменты её попыток достучаться, оставляя только скуку и отчуждение. Это было необходимо, чтобы жить с собой.

Однажды вечером Оля, просматривая на планшете фотографии с последней выставки, спросила, не глядя на меня:
— Марк, с тобой всё в порядке? Ты как будто... не здесь.
Сердце ёкнуло. Я поднял глаза от своего ноутбука.
— Устал. Проект выматывает.
— Не только это, — она наконец посмотрела на меня. В её глазах не было подозрения. Была усталая, отстранённая наблюдательность. Как если бы она изучала сложный, но не очень интересный экспонат. — Ты стал какой-то... другой. Раздражённый. Далёкий.
— Просто много работы, — отрезал я, и в голосе прозвучала металлическая нотка, заставившая её замереть на секунду. — Не придумывай.

Она пожала плечами и вернулась к планшету. Её покорность, её готовность отступить перед моим раздражением снова взбесили меня. *Почему она не лезет? Почему не устраивает сцену? Почему не даёт мне повода взорваться и высказать всё?* — ярость кипела во мне. Мне нужен был скандал, чтобы свалить на неё вину за развал. А она отказывалась его давать.

В ту же ночь я написал Кире: *"Всё. Решил. На следующей неделе поговорю с ней. Начинать искать нам квартиру побольше"*.

Сообщение было отправлено в порыве самоуверенности и отчаяния. Я ещё не говорил с Олей. Но я уже пообещал Кире. Теперь нужно было подгонять реальность под обещание. Ловушка, которую я строил для себя, щёлкнула, едва не отрубив палец.

Приглашаю в 16+ книгу моба. "По ту сторону любви в разводе" <https://litnet.com/shrt/HuEb>

— Ты мне изменяешь? — спрашиваю хрипло.
Муж подаётся вперёд, опирается локтями на колени.
— А вот скажи, меня кто-нибудь осудит, если я и правда стану тебе изменять? Посмотри на себя. Волосы закручены в гульку, безразмерная кофта поверх уродливой пижамы, да ещё и чего-то требуешь... Скажи, я должен радоваться, что вернулся домой? Или, по-твоему, я должен безумно тебя хотеть?
После предательства мужа мы с дочкой остались на улице без средств к существованию.
А потом оказалось, что это только начало наших проблем.

<https://litnet.com/shrt/4FEb>

В последний раз

Решение созрело неделю спустя после корпоратива. Я назначил Кирой "дату X" — выходные. Сказал ей: "Всё решится". Сказал себе: Нужно сделать это красиво. Или хотя бы... цивилизованно.

Мысль о прощальном интима пришла сама собой, как последний штрих в этом грязном деле. Символический акт закрытия. Благодарность за годы. Или, если смотреть правде в глаза, — последняя возможность взять своё, то, что принадлежало мне по праву мужа. Чтобы уж точно ничего не осталось там, в прошлом. Чтобы разорвать не только юридически, но и физически.

Я купил дорогое вино. Не то, что мы обычно пили. А такое, которое должно было сигнализировать: "Особенный вечер". Оля заметила бутылку, когда я зашёл домой в пятницу вечером. Я специально пришёл раньше обычного.
— Что празднуем? — спросила она, снимая фарфур. Она как раз закончила разбирать поставку тканей, на столе ещё лежали образцы.
— Ничего. Просто захотелось, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. Я даже попытался улыбнуться. Получилось натянуто. — Устал от всей этой суеты. Хочу просто нормальный вечер. С тобой.

Она смотрела на меня с лёгким, едва уловимым недоумением. Но в её глазах промелькнула искорка — не надежды, скорее, осторожной жажды нормальности. Она так устала от холодной войны, что даже моя фальшивая теплота показалась ей глотком воды.
— Да, — сказала она тихо. — Я тоже.

Вечер был обставлен с чудовищной театральностью. Я наливал вино, спрашивал о её дне, кивал, делал вид, что слушаю. Она, поначалу настороженная, постепенно начала расслабляться. Вино, непривычное внимание — её защита дала трещину. Она рассказывала о проблемах с поставщиком, смеялась над какой-то историей про клиентку. И я видел, как она понемногу оживает, как в её глазах гаснет привычная усталая отстранённость и появляется та самая, забытая мной, теплота. Меня от этого тошнило и разжигало одновременно. Я играл в доброго мужа, а она верила.

— Знаешь, — сказала она вдруг, опуская глаза в бокал. — Я уже думала, мы... ну. Что всё кончено. Ты был таким далёким.
— Просто работа, — соврал я, касаясь её руки на столе. Её пальцы вздрогнули. — Просто голова была занята. Прости.

Слово "прости" вышло само, как отрыжка. Я не просил прощения за будущее. Я просил его за прошлое равнодушие. Она подняла на меня глаза, и в них стояли слёзы. Не рыдания, а просто влажная плёнка, делающая взгляд беззащитным.
— Мне тоже надо просить прощения, — прошептала она. — Я, наверное, слишком погрузилась в свой бутик. Забыла...

— Ничего, — перебил я её, сжимая её руку. Мне было невыносимо слушать. Я не хотел её исповеди. Я хотел тишины, чтобы совершить то, зачем пришёл.

Потом была уборка со стола. Мы делали это вместе, в тишине, но уже не враждебной. Плечом к плечу у раковины. Её тело, знакомое до миллиметра, сейчас казалось и родным, и чужим одновременно. И от этого желание стало острым, почти болезненным. Не любовь. Не страсть даже. Жажда. Жажда обладания тем, что вот-вот перестанет быть моим.

В спальне свет был приглушён. Она стеснялась, как в первые годы. Отворачивалась, когда снимала одежду. Эта стыдливость, которую я когда-то обожал, а потом стал презирать за отсутствие Кириной раскованности, теперь снова тронула меня. Я притянул её к себе, и поцелуй был не таким, как с Кирой — не взрывным, не жадным. Он был глубоким, медленным, полным той самой памяти о том, как это бывало, когда мы друг друга ещё любили.

— Марк... — выдохнула она мне в губы, и в этом звуке было столько облегчения и доверия, что у меня на миг сжалось сердце. Я заставил себя не думать.

Интим был... правильным. Нежным. Привычным. Я делал всё, как она любила, помнил каждую мелочь. Она откликнулась с такой благодарной, такой радостной страстью, что мне хотелось зажмуриться. Она обнимала меня, целовала в шею, шептала что-то сбивчивое. Она думала, что это — начало. Начало возвращения. Начало исправления. Она думала, что проввалась через мою стену.

А я знал, что это — конец. Последний акт. Я смотрел на её лицо, искажённое наслаждением, на закрытые веки, на губы, растянутые в полуулыбке, и чувствовал себя палачом, который ласково гладит жертву по волосам перед казнью.

Когда всё закончилось, она прижалась ко мне, положила голову на грудь. Её дыхание было ровным, счастливым.
 — Я так скучала по этому... по тебе такому, — прошептала она.
 — Я знаю, — пробормотал я, глядя в потолок. Рука автоматически гладила её по спине. Предательская рука, которая уже через день будет обнимать другую.
 — Давай завтра... давай куда-нибудь сходим? Правда? Как раньше.
 — Да, — солгал я. — Обязательно.

Она заснула быстро, с лёгкой улыбкой на лице. Я лежал, чувствуя вес её тела, вдыхая знакомый запах её шампуня, и внутри меня бушевал ад. Не раскаяние. Нет. Это было бы слишком благородно. Это была тупая, животная ярость. На себя. На неё, за то, что так легко поверила. За эту свою покорную радость. За то, что сделала меня в своих глазах и в моих собственных — абсолютным, законченным негодяем.

Я осторожно высвободился из её объятий, встал и вышел в гостиную. Дошёл до бара, налил виски. Рука дрожала. Я выпил залпом. Жжение в горле было единственным, что казалось настоящим.

За окном горел город. Там, в одной из его точек, спала Кира. И ждала. Ждала новостей о том, что я "всё решил". А здесь, в этой идеально тихой квартире, спала женщина, которая только что подарила мне последнюю ночь своего доверия, думая, что дарит новое начало.

Я знал, что утром мне нужно будет говорить. Но сейчас, в этой тишине, меня накрывало отвращение такой силы, что хотелось кричать. Я не пожалел её. Я пожалел себя. Пожалел того парня, которым был когда-то, который любил эту девушку и верил, что навсегда. Этого парня я убил сегодня окончательно. И последним его поступком была подлая, циничная ложь в объятиях той, которую он когда-то клялся защищать.

Я допил вино и пошёл обратно в спальню. Лег рядом с ней, но не прикасался. Смотрел, как поднимается и опускается её грудь в ритме спокойного сна. И про себя, уже не в первый и не в последний раз, повторил оправдание, которое должно было помочь мне жить дальше:
 Просто мы стали разными. Просто любовь прошла. Это жизнь. Так бывает.

Но в глубине души, куда не доходили эти удобные фразы, звучал другой, тихий и чёткий голос:
 "Ты — подлец. И ты это знаешь".

Только для читателей, старше 18 лет! Книга нашего литмоба "Невозможно забыть": <https://litnet.com/shrt/5rKt>

— Ты его ударила?
 — Нет, он же огромный! Я развелась! А ещё я сказала, что у меня есть другой!
 — Что? Кто? Когда ты успела?
 — А я откуда знаю? Мне просто захотелось как-то прижать его. Не быть жертвой!
 — И поэтому ты сказала, что у тебя есть мужчина?
 — И теперь на меня смотрят то ли со смехом, то ли с довольной улыбкой.
 — Да! А ещё я беременна!
 — Что? Да от кого? — взвыл Страхов.
 — А я откуда знаю?
 — Ты что, не знаешь, от кого залетела?
 — Ник, ты больной? Я не беременна!
 — Женщина, тебя не было пять минут, но за это время ты успела застукать мужа с любовницей, развестись, найти мужика и забеременеть?
 — Ну, если в общих чертах, то да!

<https://litnet.com/shrt/inSf>

Клетка опустела

Утро было ледяным и искусственным. Я проснулся раньше неё и лежал, глядя в потолок, чувствуя её тепло рядом. Её дыхание было ровным, губы всё ещё хранили след той доверчивой полуулыбки. Во рту стоял привкус вчерашнего вина и виски — и горечь предательства, которую не смыть.

Она потянулась, открыла глаза. Увидела меня и улыбнулась по-настоящему. Широко, поутреннему. Безоружно.
 — Доброе утро, — прошептала она, и её рука потянулась, чтобы коснуться моей щеки.

Я уклонился. Не резко. Просто повернулся, делая вид, что тянусь за телефоном на тумбочке.
 — Утро, — буркнул я. Голос прозвучал сипло и грубо. Мне нужно было восстановить дистанцию. Немедленно. Её доверие, её радость были для меня теперь невыносимы. Они превращали меня из "несчастливого, загубленного скукой мужа" в расчетливого подлеца. А мне нужна была первая роль.

Её рука замерла в воздухе, потом медленно опустилась. Улыбка сползла с лица, сменившись настороженностью.
 — Ты... как? — спросила она.
 — Голова раскалывается, — соврал я, вставая с кровати. — Вчера перебрал.

Я ушёл в душ, под ледяные струи, пытаюсь оцепенеть. План был прост: сегодня вечером — корпоратив. Я договорился с Кирой. Я скажу Оле всё ЗАВТРА утром. А сегодня... сегодня я позволю себе прощальный вечер в старом статусе. И Кира будет знать, что это последняя ночь старой жизни. Поэтому мы сможем позволить себе чуть больше. Нам же нечего скрывать, раз всё решено. Так я убеждал себя.

Весь день я избегал Оли. Отвечал односложно. Делал вид, что поглощён работой. Видел, как настороженность в её глазах сменялась обидой, а потом — привычной, леденящей сдержанностью. Стена, которую я разрушил прошлой ночью, выросла снова, и теперь я строил её сам, кирпич за кирпичом. К вечеру она уже смотрела на меня тем взглядом, который я так "ненавидел" — отстранённым, холодным, деловым.

Но расставание затянулось. Прошел день, другой, невовремя подвернулся корпоратив. И я решил расстаться с женой после него.

Кира ждала нас в зале ресторана. Она была в том самом рыжем платье — дерзком, ярком, кричащем. Увидев нас, она подошла, и её взгляд скользнул по Оле с холодным, оценивающим любопытством, а ко мне обратился с едва заметным, но понятным мне одному вопросом: "Ну?".
 Я встретил её взгляд и дал почти незаметный кивок. Всё в силе. Сегодня последний день.

Это знание, эта тайная договорённость давали мне пьянящее чувство вседозволенности. Я был уже почти свободен. Почти. Поэтому, когда Кира протянула мне свой бокал, а потом я отпил с того же места, это было не просто флирт. Это был жест нового хозяина, помечающего территорию, которая вот-вот перейдёт в его владение. Мы вели себя развязно, на грани. Я ловил на себе шокированные или понимающие взгляды коллег и плевать хотел. Пусть видят. Завтра всё станет ясно. Завтра Оля уже не будет моей женой, и никто не сможет осудить меня.

А Оля... Я видел её краем глаза. Она стояла у бара, бледная, как полотно. Сначала на её лице было недоумение, потом — щемящая, физически ощутимая боль. И, наконец, — та самая ледяная ясность. Она смотрела на нас, и в её взгляде не было ни злобы, ни истерики. Было окончательное понимание. И в этот момент мне стало по-настоящему страшно. Не из-за чувств, а из-за потери контроля. Она видела. Она всё поняла. И это рушило мой красивый план "цивилизованного разговора завтра утром".

Хорошо хоть, что не устроила сцену прямо на работе. Все-таки, гордая она. Умеет держать лицо. Сказала про головную боль и такси. Уже вызвала сама.

Я смотрел, как она уходит, прямая, не оглядываясь, и меня переполнили противоречивые, грязные эмоции. Я вернулся к Кире. Её глаза сияли торжеством.
— Ну что, — прошептала она, — клетка опустела?
— Да, — хрипло сказал я, наливая себе коньяку. Рука всё ещё дрожала. — Опустела.

Но торжества не чувствовалось. Была пустота. Та самая, от которой я бежал. Только теперь она была отравлена горьким осадком её ухода. Она ушла не сломленной, а с поднятой головой. И оставила меня здесь, с моей победной любовницей и стаканом коньяка, чувствовать себя не победителем, а последним подонком, которого только что публично, молча выгнали из его же собственной жизни.

Я допил коньяк. Вкус был отвратительным. Но это был единственный способ заглушить тот тихий, настойчивый голос внутри, который спрашивал: А что, если она не солгала про такси? Что, если она там, одна, и ей правда плохо? И это ты сделал ей плохо?

Нет. Не могло быть. Она солгала. Чтобы сделать меня виноватым. Чтобы усложнить мне жизнь. Как всегда.

И с этой мыслью, горькой и удобной, я обернулся к Кире и попытался улыбнуться.

Только для читателей, старше 18 лет. Мобная книга "После развода. Засунь свои извинения себе в..." <https://litnet.com/shrt/10cr>

-Наташа, повторяю, я ни в чем перед тобой не виноват. Но я готов извиниться, чтобы сохранить наш брак. Прости за то, что люблю только тебя, и что никто другой мне не нужен! Давай, пока не поздно, все отменим. Я не хочу с тобой разводиться!
-Думаешь, я поверю твоим сказочкам? Пффф... Васнецов, засунь свои лживые извинения, знаешь куда?!
Размечтался, все отменить. Я, может, уже почувствовала вкус свободы. И обратно замуж я точно не хочу!

<https://litnet.com/shrt/ciFA>

Сам себе палач

Я вернулся домой поздно. Вернее, не домой, а в квартиру. Это уже не чувствовалось домом. Это было полем боя, где я только что проиграл сражение, даже не вступив в него.

В прихожей горел свет. Её туфли стояли ровно у порога. Тишина была плотной, звенящей, как натянутая струна. Я сбросил пиджак, двинулся в гостиную.

Она сидела в кресле у окна. Не в пижаме. В том же самом, чуть помятом теперь, вечернем платье. Рядом на столике стоял пустой стакан. Она не читала, не смотрела в телефон. Сидела, обхватив колени, и смотрела в тёмное окно, в котором отражалась комната и я — беспомощный силуэт в дверном проёме.

— Ты не спишь, — сказал я, и мои слова гулко прозвучали в тишине.
— Нет, — ответила она, не поворачиваясь. Голос был ровным, безжизненным. — Ждала тебя.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это «ждала тебя» звучало не как упрёк жены, а как приговор судьи.
— Оль... — начал я, собираясь запустить отработанную пластинку про усталость, про алкоголь, про "ты всё неправильно поняла".
— Сядь, Марк, — перебила она. Наконец-то она повернула голову. Её лицо при свете лампы было бледным, почти прозрачным, но абсолютно спокойным. Только глаза горели каким-то нездоровым, лихорадочным блеском. — Давай без лжи. Хотя бы сейчас. Без этих... спектаклей.

Я медленно опустился на диван напротив. Между нами было всего три метра, но казалось — пропасть.
— О чём? — спросил я, всё ещё пытаюсь играть в непонимание.
— О ней, — выдохнула она. Просто. Прямо. — О Кире. О том, как ты сегодня пил из её бокала. Смотрел на неё так, как на меня не смотришь уже пару лет. О том, что между вами. Давай поговорим об этом. Наконец.

Воздух вырвался из моих лёгких. Я приготовился к скандалу, к слёзам, к истерике. К чему угодно, но не к этой ледяной, методичной требовательности правды.
— Ты всё придумала, — попытался я, но голос уже дрогнул. — Это просто коллега, мы выпили...
— Пожалуйста, — она подняла руку, останавливая меня. Её голос дрогнул впервые за весь вечер, но не от слёз, а от сдерживаемой ярости. — Пожалуйста, не унижай нас обоих. Я не слепая. И не глупая. Я видела. Видела тебя с ней неделями. Твои задержки. Твой новый парфюм. Твои глаза, которые загораются, когда приходит сообщение на телефон. Я просто... я просто не хотела верить. Думала, если не замечать, то это рассосётся. Что это твоя кризисная ерунда. Но сегодня... сегодня ты перешёл все границы. На моих глазах.

Она замолчала, сжав пальцы так, что костяшки побелели.
— Сколько? — спросила она тихо.
— Что? — переспросил я, хотя прекрасно понял.
— Сколько это длится? Месяц? Два? Или дольше?

В её тоне не было любопытства. Был холодный, деловой интерес, как будто она оценивала масштаб катастрофы.
— Не важно, — пробормотал я, опуская глаза.
— Для меня важно! — она вскинулась, и её спокойствие на миг треснуло. Голос сорвался на крик, но тут же был взят под контроль. — Мне важно понять, сколько месяцев я была для тебя дурочкой, которая верит в "срочные проекты" и "ночёвки в офисе»" Я имею на это право!

— Около трех месяцев, — выпалил я под давлением её взгляда. Сказав это вслух, я почувствовал одновременно облегчение и новую волну стыда. Теперь это было осязаемо. Теперь это было фактом.
Она кивнула, будто ставила галочку в невидимом списке.
— Три месяца. И ты... ты ночевал у неё? Или она здесь, в нашей... в моей постели, когда меня не было?
— Нет! — почти крикнул я, и это была правда. Я не мог. Даже в своём падении эта граница казалась мне священной. — Нет, не здесь. У неё.

Она снова кивнула. Казалось, она регистрирует информацию, но не пропускает её через сердце. Сердце, видимо, уже было разбито вдребезги, и теперь работал только холодный, ана-

литический ум.
 — И недавно... — её голос вдруг стал хрупким, едва слышным. — Романтический ужин. Вино. Всё это... это было что? Прощальный ужин? Ты хотел переспать с женой в последний раз перед тем, как уйти к ней? Так, для памяти?

Удар был настолько точным, настолько попадающим в самую суть моей подлости, что я не нашёл слов. Я просто сидел, не в силах поднять на неё глаза. Мое молчание было ответом.
 Она издала странный звук — не рыдание, а сдавленный, горловой стон, как у раненого животного. Она вжалась в кресло, закрыв лицо руками. Её плечи затряслись.

— Боже... Боже мой... — прошептала она сквозь пальцы. — Я так тебе радовалась... Я думала... Я была такой идиоткой...

Это было хуже любой истерики. Эта тихая констатация собственной глупости, этой сокрушительной, абсолютной веры, которую я использовал как инструмент для своего прощального удовольствия. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Хотелось закричать, что это не так. Но я не мог. Потому что это было так.

— Ольга, прости... — начал я, и мои слова повисли в воздухе, никчёмные, пустые.
 — Не смей! — она резко отняла руки от лица. Щёки были мокрыми, но глаза снова горели сухим огнём. — Не смей просить прощения! Ты не сожалеешь. Ты сожалеешь только, что тебя поймали. Что твой красивый план "цивилизованного расставания" пошёл к чёрту из-за моего ухода с корпоратива. Ты хотел всё сделать по своему сценарию, правда? Уйти героем, уставшим от рутины? А я всё испортила, явив боль и заставив тебя признаться как жалкому школьнику!

Она встала. Казалось, она выросла на метр. Вся её боль теперь трансформировалась в чистую, беспощадную ярость.
 — И знаешь что самое мерзкое? — её голос дрожал, но не срывался. — Что ты не ушёл сам. Ты заставил МЕНЯ сделать это. Своим поведением. Своим... публичным унижением. Ты не хватило духу просто сказать! Ты предпочёл быть подлецом, лишь бы не быть "плохим парнем" в своих глазах! Ты трус, Марк. Жалкий, ничтожный трус!

Каждое слово било точно в цель. Она срывала с меня все маски, все оправдания, оставляя голую, уродливую правду. И я не мог возразить. Потому что она была права. На все сто.
 — Что ты хочешь? — спросил я хрипло, сдаваясь. — Чтобы я ушёл сейчас?
 Она засмеялась. Коротко, горько.
 — Я хочу, чтобы ты исчез. Чтобы этого всего не было. Но это уже невозможно. Поэтому да. Уходи. Сейчас. Возьми свои вещи. Только самые необходимые. Всё остальное... мы решим позже. Через юристов. Через адвокатов. Я не хочу тебя видеть. Ни завтра. Ни послезавтра. Никогда.

Она говорила это с такой леденящей, неоспоримой finality, что мне стало физически холодно.
 — Куда я пойду? — глупо спросил я.
 — К ней, конечно! — она выкрикнула это, и в её голосе прорвалась вся накопленная боль, презрение и горечь. — К своей "настоящей", не картонной жизни! Иди! Только иди уже, ради всего святого! Я не вынесу ещё одной секунды в одном пространстве с тобой!

Это был приказ. Окончательный и бесповоротный. Я встал. Ноги были ватными. Я посмотрел на неё — эту сильную, сломанную, невероятно красивую в своей ярости женщину, которую я предал. И впервые за все эти месяцы ослепления я увидел её. По-настоящему. Не как обузу, не как часть интерьера. А как человека. Которого я уничтожил.

— Прости, — снова вырвалось у меня, уже без надежды.
 Она отвернулась к окну, скрестив руки на груди в защитной позе. Её спина, прямая и неприступная, была мне ответом.

Я пошёл в спальню. Глупо, на автомате, начал складывать в спортивную сумку бельё, носки, пару футболок. Мысли путались. Одно было ясно: конец. Полный, оглушительный. Не тот, который я планировал — драматичный, но с достоинством. А этот — грязный, унижительный, где я был выставлен тем, кем и был — лжецом и трусом.

Когда я вышел с сумкой в прихожую, она всё так же стояла у окна.
 — Ключи, — сказала она, не оборачиваясь.
 Я вынул ключи из кармана, положил на консоль. Звякну-

ло.
 — Я... позвоню, — пробормотал я.
 — Не надо, — был немедленный, стальной ответ. — Всё, что нужно будет сказать, скажешь моему адвокату.

Я взял сумку, открыл дверь. Последнее, что я увидел, прежде чем дверь закрылась — её отражение в тёмном окне. Неподвижное. Окаменевшее. Одинокое.

Я спустился вниз, сел в машину. Не завёл. Просто сидел, уставившись в темноту лобового стекла. Внутри была пустота. Та самая, от которой я бежал к Кире. Только теперь она была в тысячу раз больше, холоднее и окончательнее. Потому что теперь я знал её точное имя — одиночество. И это был не романтический побег к свободе. Это был приговор, который я только что выслушал. И палачом в нём был я сам.

Промо на "После развода" Hc1XVFH2

Вторая молодость

Тишина в спальне была оглушительной. Оля стояла в дверях, прислонившись к косяку, руки скрещены на груди. Она не помогала, не мешала. Она наблюдала. Её лицо было маской из белого мрамора – ни одной трещины, ни одной слезы. Это было страшнее любой истерики.

Я рылся в шкафу, выдергивая рубашки, брюки, складывая их в чемодан как попало. Каждое движение отдавалось гулко в этой мертвой тишине.
 — Белье в нижнем ящике, — сказала она ровным, без интонации, голосом. Как гид в музее, констатирующий факт.
 — Я знаю, — пробормотал я, не оборачиваясь.
 — Сомневаюсь. Ты ни разу сам ничего не доставал.

Её слова обожгли. Не упреком, а констатацией моего отстраненного участия в нашей общей жизни. Я молча открыл ящик, сгреб носки, майки.

На комодe стояла фоторамка. Наша старая фотография с моря. Мы оба загорелые, мокрые, смеемся в камеру, обнявшись. Я потянулся к ней... и остановился. Взял её в руки. Пластик был теплым. Я посмотрел на свое улыбающееся лицо на фото. На её. Такую живую.
 — Бери, если хочешь, — сказала она всё тем же ледяным тоном. — Мне не нужно.

Я поставил рамку на место. Резко, почти уронив. Если уж рвать, так рвать. Нельзя уносить с собой осколки прошлого – они поранят. Хотя один осколок уже глубоко вошел в грудь и ноет.

Я закончил упаковываться. Закрыв чемодан. Звук защелок прозвучал как два выстрела. Я взял его с кровати, тяжелый, нелепый. Повернулся к ней.

Наши взгляды встретились. В её глазах не было ничего. Пустота. Та самая, в которой я так часто её обвинял. Я создал её сам.

— Ну всё, — сказал я глупо.
 — Да, — ответила она. — Всё.

Я двинулся к выходу. В прихожей, на консоли, лежали мои ключи. Я оставил их там, когда вошел. Теперь просто бросил на них последний взгляд и открыл дверь.

В этот момент в кармане джинсов жарко засветился и завибрировал телефон. Я машинально вытащил его. Экран пылал уведомлением: Кира ## и текст: "Свободен? Я вся горю..."

Я почувствовал, как кровь ударила в виски. От стыда? От возбуждения? От ужасающего контраста? Я судорожно потушил экран, но было поздно. Я знал, что она видела. Краем глаза. Свет экрана в полумраке прихожей был ярким, как сигнальная ракета.

Я не посмел обернуться. Просто шагнул за дверь. И закрыл её. Не громко. Тихо. Но этот тихий щелчок прозвучал громче любого хлопка. Это был звук конца.

Кира открыла дверь ещё до того, как я успел постучать. Она была в тонком шелковом халате, на босу ногу, волосы растрепаны, на губах – торжествующая улыбка.
 — Ну, что, беглец? — протянула она, затягивая меня внутрь. Дверь захлопнулась. — Добро пожаловать в реальный мир.

В её квартире пахло дорогими свечами, сигаретным дымом и её духами. Музыка играла громко, что-то ритмичное и бесшабашное. Никакой тишины. Никаких взглядов в пустоту.
 — Да ты похож на привидение, — рассмеялась она, снимая с меня куртку. — Расслабься! Ты свободен! Понимаешь? СВО-БО-ДЕН!

Она налила два бокала чего-то крепкого, протянула один мне.
 — За твоё освобождение! За новую жизнь! За то, чтобы наконец-то дышать полной грудью!
 Мы чокнулись. Я выпил залпом. Огонь расплзся по телу, начал вытеснять ледяное оцепенение.
 — Как она? Рыдала? Устраивала сцену? — спросила Кира с деловым, почти клиническим любопытством, усаживаясь на диван и закидывая ногу на ногу.
 — Нет, — хрипло сказал я. — Ничего. Просто смотрела.
 — Фу, как нездорово, — поморщилась она. — Лучше бы вылила на тебя ушат помоев. Так честнее. Ну да ладно. Забудь. Она – прошлое. А мы с тобой – настоящее. И, — она поймала мой взгляд и медленно развязала поясok халата, — будущее.

Интим с ней в ту ночь был яростным, громким, отчаянным. Я пытался в нём утопить всё: и образ каменного лица Оли, и стыд, и эту давящую пустоту. Кира кричала, царапалась, смеялась. Она требовала, чтобы я был «живым». И я старался. Я выкрикивал её имя, кусал губы, чтобы не закричать от чего-то другого – не от страсти, а от паники, которая поднималась из глубины.

После, когда мы лежали в крошечной темноте, а её рука лежала на моей груди, она спросила:
 — Жалеешь?
 — Нет, — ответил я слишком быстро. Потом добавил, уже для себя: — Нельзя жалеть. Решение принято.
 — Умный мальчик, — она поцеловала меня в плечо. — Завтра начнется твоя настоящая жизнь. А сегодня... спи. Ты мой герой.

Я закрыл глаза, пытаюсь убедить себя в этом. Что я герой. Что я совершил побег. Но вместо сна приходили картинки. Как я кладу ключи на консоль. Как светится экран телефона. Её спина в дверном проеме.

На следующий вечер я позвонил Сергею. Единственному, кому мог позвонить. Мы сидели в баре с темным деревом и дорогим виски. Я уже рассказал ему всё, в красках, опуская самые мерзкие детали, но делая акцент на "духоте", "отсутствии понимания", "смерти чувств".

Сергей слушал, кивал, потом свистнул.
 — Блин, Марк... Ты это... Ты сделал это. Честно, я в шоке. Думал, ты так и будешь киснуть в этом своем идеальном болоте до пенсии.
 — Не было выбора, — сказал я, делая глоток. Виски обжигал, но это было приятно. Как дезинфекция.
 — Конечно не было! — Сергей оживился, хлопнул меня по плечу. — Мужик, да я тебе завидую! Серьёзно! Ты не спустил всё на тормозах, как большинство. Ты взял и выпрыгнул из самолета без парашюта! Это же круто! Второе дыхание! Вторая молодость!
 — Ты так думаешь? — спросил я, ловя на себе восхищенный взгляд друга. Он мне был нужен. Остро нужен, как подтверждение правильности выбора.
 — Да брось! Оглянись! — Сергей махнул рукой вокруг, на полумрак, на красивых женщин за стойкой. — Тебе под сорокет, а не 80! Карьера есть, деньги есть. Теперь – полная свобода! Новая девчонка – я поглядел на ту, что в инсте, огонь, а не женщина! Живешь один. Делаешь что хочешь. Это ли не мечта? Мы с Ленкой только и мечтаем иногда... — он понизил голос, — чтобы друг от друга на пару дней сбежать. А ты – взял и начал новую жизнь. Респект!

Он поднял бокал.
 — За тебя, мужик! За новую, наконец-то настоящую жизнь! Чтобы всё было, как ты хочешь!
 Мы чокнулись. Я выпил, и эйфория от его слов смешалась с алкоголем, создавая приятный, пьянящий коктейль. Да. Он прав. Это и есть настоящая жизнь. Шумная, вкусная, без обязательств. Не то замогильное молчание, из которого я выбрался.
 — Спасибо, Серег, — сказал я, и голос прозвучал увереннее. — Ты прав. Надо было раньше.
 — Да всегда вовремя! Главное – вырваться! А остальное – ерунда. Ну, поделите имущество... У тебя юрист хороший? У меня есть знакомый, акула, поможет кости с нее ободрать...

Он продолжал говорить, строя планы моей холостяцкой жизни. Я кивал, улыбался. В голове стучало: "Свобода. Вторая молодость. Настоящая жизнь". Я повторял это как мантру, стараясь заглушить другой, назойливый звук – тихий щелчок закрывающейся двери и ледяную тишину, которая осталась за ней.

16+ книга нашего литмоба! "В разводе. Принимай меня на ночь" <https://litnet.com/shrt/OpuM>

После 10 лет брака муж оказался изменщиком, да ещё и трусом.
 Предал меня и как огня боится своего нового босса, который, кажется, положил на меня глаз.
 Что ж, месть будет для него страшна, а для меня, кажется, очень сладкой.
 Бойся, милый, я открываю мир других мужчин!
 И ты точно пожалеешь, что обидел меня!
 https://litnet.com/shrt/i_CL

Я выживу.

(Ольга)

Дверь закрылась. Щелчок замка был таким тихим, таким... бытовым. Как будто он вышел за хлебом. А не ушел из нашей жизни навсегда.

Я стояла в прихожей, смотря на его ключи, лежащие на консоли. Блестящий металл, холодный, чужой. Я взяла их в руку. Они были теплыми от его кармана. Это тепло – последняя физическая связь. Я сжала их так, что зубья впились в ладонь. Боль была острой, ясной, реальной. В отличие от всего остального, что творилось внутри.

Потом я услышала, как завелся его двигатель. Звук удалялся, растворялся в ночном городе. Он уехал. К ней.

И тогда статуя, которой я была все эти часы, треснула. Не с плачем. С тихим, животным стоном, вырвавшимся из самой глотки. Я судорожно выдохнула воздух, который, казалось, не обновлялся с тех пор, как я увидела, как он пьет из её бокала.

Я опустилась на пол. Паркет был ледяным, но я его не чувствовала. Чувствовала только огромную, рвущуюся изнутри черную дыру. Он ушел. Бросил. Презрел настолько, что даже не попытался солгать по-красивее, не стал играть в "мучения совести". Просто ушел.

Руки сами потянулись к животу. Плоскому, ещё ничем не выдававшему нашу тайну.
— Прости, — прошептала я, и голос сорвался на истеричный шёпот. — Прости, малыш, что твой папа... что он такой. Что он не узнает, как ты шевелишься. Не положит руку на мой живот, чтобы почувствовать толчок. Не будет выбирать с нами кровать.

Слезы хлынули потоком. Не тихие, а удушающие, с рыданиями, которые трясли всё тело. Я плакала не только о предательстве. Я плакала о будущем, которое мы с этим ребёнком только что потеряли. О семье из трёх человек, которая теперь никогда не соберётся за одним столом. О том, что мой ребенок будет знать отца как человека, который ушёл, не оглянувшись. А может, и не будет знать вообще.

Мысли крутились, острые и беспощадные:

Развод. Это слово теперь стало реальностью. Не абстрактной "ссорой", а юридическим термином, делением имущества, которое мы с таким трудом собирали. Наш общий дом, наша постель, наша посуда – всё теперь будет "подлежать разделу". Как будто нашу жизнь можно взвесить и поделить на граммы.

Одна. Я останусь одна. С беременностью. С родами. С младенцем на руках. С бутиком, который надо тащить, чтобы было на что жить. Страх, холодный и липкий, пополз по спине. Смогу ли? А если не смогу? Если заболею, если с ребёнком что-то? На кого опереться? Мама далеко, у подруги своя жизнь... Паника сдавила горло.

Позор Мне придётся всем рассказывать. Родителям, чьи надежды на внуков теперь окрашены такой ужасной и некрасивой сценой. Подругам, которые будут смотреть с жалостью: Бедная Оля, муж ушёл к молоденькой, пока она.... Клиентам, которые рано или поздно спросят про мужа. Я ненавидела его в этот момент. Ненавидела за то, что сделал меня объектом жалости и сплетен.

Я редела, уткнувшись лицом в колени, на холодном полу прихожей. Плакала о себе – обманутой, униженной, брошенной. Плакала о ребёнке, который уже стал соучастником этой трагедии, ещё даже не родившись.

Потом рыдания сменились тихими, надрывными всхлипами. Я поднялась, пошла в ванную. Увидела в зеркале своё лицо – распухшее, красное, жалкое.

- Нет, – сказала я этому отражению. – Не жалкое. Ты выживешь.

Я умылась ледяной водой, смывая следы слёз, как смывала его присутствие. Вернулась в гостиную. Подошла к окну, у которого он застал меня. Город горел огнями. Где-то там он сейчас. С ней. Обжигает губы её поцелуями, а не моими слезами.

И в этой точке отчаяния родилась первая, звериная мысль: не сказать. Не говорить ему о ребёнке вообще. Зачеркнуть его как отца. Пусть живёт в своём счастливом, лёгком мире с "настоящей" жизнью. А мы с малышом справимся сами. Он не заслуживает знать. Не заслуживает быть частью этого чуда, которое он с таким презрением отверг бы, назвав "обузой" и "несвоевременностью".

Но потом пришла другая мысль, более холодная и расчётливая. Закон. Алименты. Права ребёнка. Я не могу лишиться своего сына или дочь материальной поддержки из-за своей гордости. Да и как скрыть? Рано или поздно узнает.

И самая страшная мысль: а что, если он... захочет участвовать в жизни нашего малыша? Нет. Этого не может быть. Не после сегодняшнего. Не после того, как он смотрел на неё таким взглядом. Он вычеркнул нас. Навсегда.

Я легла в нашу постель. На свою сторону. Его сторона была пустой, одеяло идеально заправленным. Я положила руку на его холодную подушку. — Всё, — прошептала я в темноту. — Всё кончено. Теперь мы – двое. Ты и я. И мы будем сильными. Я научусь. Я обещаю.

Я закрыла глаза, но сон не шёл. В ушах стоял гулкий щелчок замка. И звонкий, наглый смех той девушки в рыжем платье. И тихий, предательский звук вибрации его телефона с её сообщением.

А под сердцем тихо шевельнулась жизнь. Единственная, настоящая. Которая теперь была моим единственным смыслом и моим самым большим страхом. И моим главным оружием против той всепоглощающей боли, что пыталась раздавить меня в первую же ночь в пустом доме.

16+ история литмоба: "После развода. Время платить по счетам, козёл!"

<https://litnet.com/shrt/wNi6>

Муж пришёл домой со встречи выпускников — весь в чужой помаде, духах и с наглой уверенностью, что я всё проглочу. Кто-то получил битой по фебриже. По мне так закономерный исход для среднестатистического кобеля. Чемодан у двери — с латексными средствами защиты и записочкой: «На всякий случай». Фото козла в соцсетях — в помаде, с гримасой боли и комментарием: «В поисках новой жизни. Старый муж в утиль». Это не история мести. Это битва за достоинство — без слёз, но с сильными ударами по самому больному месту. Это история о том, как из «просто жены» перевоплотиться в женщину, способную дать отпор своему обидчику.

<https://litnet.com/shrt/t33V>

Всё. Хватит.

Я не спала. Совсем. Когда за окном начало сереть, я всё ещё лежала на спине, глядя в потолок, чувствуя, как затекает тело, но не в силах пошевелиться. Мысли перестали быть острыми — они стали тупыми, тягучими, как смола. Они не резали, они душили.

В шесть утра я встала. Тело слушалось плохо, как после тяжёлой болезни. Я прошла на кухню, включила чайник. Смотрела, как закипает вода, пузыри взрываются на поверхности. Раньше я любила это зрелище. Теперь просто смотрела.

Чай обжёг губы. Я не почувствовала.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Я боялась его трогать. Боялась, что там будут сообщения от него. Извинения? Объяснения? Или просто молчание? Я не знала, что хуже. Я перевернула телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.